

УДК 930.2

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.35.6>

«Переселенческое дело» во второй половине XIX – начале XX в. как сфера интеллектуальной рефлексии и коммуникации российской власти и общества досоветского периода

М. К. Чуркин

Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Россия
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, г. Тобольск, Россия

Аннотация. Осуществляется реконструкция коммуникативного пространства деятельности власти и общества в сфере организации «переселенческого дела» во второй половине XIX – начале XX в. С опорой на опубликованные источники демонстрируется возможность оперирования понятием «историографический быт» с целью воссоздания социокультурной среды и атмосферы, в которой происходило формирование представлений российской интеллигенции о задачах и значении переселенческого движения в пореформенный период. Устанавливается, что этика сотрудничества и профессионального взаимодействия интеллигенции в сфере «переселенческого дела» доминировала над политическими убеждениями, что способствовало укреплению локальной идентичности сообщества, а также формированию историографической традиции переселенческого вопроса.

Ключевые слова: «переселенческое дело», российская интеллигенция, власть, общество, «историографический быт».

Для цитирования: Чуркин М. К. «Переселенческое дело» во второй половине XIX – начале XX в. как сфера интеллектуальной рефлексии и коммуникации российской власти и общества досоветского периода // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 35. С. 6–13. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.35.6>

Потребность в качественном изменении исследовательской модели и стратегий историописания обусловлена сегодня вызовами времени. К числу знаковых сюжетов российской истории, требующих нового качества научно-исследовательской рефлексии с учетом ситуации «антропологического поворота», принадлежит тема крестьянских переселений в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. Переформатирование подходов к осмыслению широкого круга вопросов переселенческого движения как части глобального имперского проекта аграрной колонизации восточных окраин связано не только с потребностью возвращения в историю персонажей «второго» и «третьего плана», но и с необходимостью воссоздания социокультурного и интеллектуального пространства деятельности историка-историографа.

В данной связи целью настоящей работы является реконструкция коммуникативного пространства деятельности сообщества российской интеллигенции, включенной в организацию «переселенческого дела» во второй половине XIX – начале XX в., как определяющего фактора формирования базиса историографической традиции переселенческого движения в Сибирь в указанный хронологический период.

В порядке предуведомления отметим, что в работах последних лет в научный оборот активно вводятся новые историографические дефиниции, весьма характерные для состояния гуманитарных наук постпостмодерна, красноречиво свидетельствующие о наступлении эпохи полидисциплинарности, новой ситуации в культуре познания, смещении исследовательского интереса с описания событий к описанию состояний.

Одной из таких дефиниций является широко трактуемое в научном сообществе понятие «историографический быт». Варианты интерпретаций термина «историографический быт» как части социологии творчества историка стали важным элементом историографической риторики в конце XX – начале XXI столетия, рефлекслируемым в работах Ю. Л. Троицкого [9], М. П. Мохначёвой [5], В. П. Корзун [3], А. В. Свешникова [7], Н. Н. Алеврас [1]. Суммируя результаты разработки понятия, можно сделать вывод, что в рамках функционирования научного сообщества представлены две деятельностные модели: первая охватывает творческо-интеллектуальную сферу, в условиях которой реализуется интеллектуальная рефлексия историка по отношению к событиям и состояниям изучаемой эпохи, вторая формирует социокультурный «бытовой» контекст, определяющий стилевые особенности творческого процесса в науке [1, с. 531]. Таким образом, практики историописания, модели репрезентации и способы трансляции исторического нарратива, образующие в конечном итоге историографическую традицию, складываются в обстоятельствах особого социокультурного климата эпохи, к которой принадлежит историк, пространства его интеллектуальной коммуникации.

Тема переселенческого движения в губернии и области Зауралья осваивается с досоветского времени, встраиваясь в канву общественного и научного осмысления широкого круга вопросов аграрной колонизации, имевших изначально экстраординарный, политический характер. Во второй половине XIX – начале XX в. сформировался спектр направлений в исследовании вопроса, который выдвигался за границы обсуждения переселенческого движения, его перспектив и последствий. С различной степенью интенсивности в дискурс аграрной колонизации были вовлечены высшее и региональное чиновничество, представители земских организаций, научные и общественные деятели, составившие круг имперских экспертов – непосредственных свидетелей и участников колонизационного дела.

Именно современниками был выдвинут круг вопросов, ставших ориентиром для отечественной историографии XX столетия. В этом списке приоритетное положение заняла государственная переселенческая политика, реализация которой оценивалась с позиций коллективного габитуса периода актуализации колонизационного процесса на восточных окраинах империи.

Питательной средой обсуждения переселенческой политики как части «переселенческого дела» стали социал-дарвинистские идеи XIX столетия, вера в торжество прогресса, преимущества структур модерна над структурами архаики. Имперские программы крестьянских переселений, реализуемые в контексте задач по решению аграрного вопроса в России, конструировались в дискурсивном поле эволюционистских и ориенталистских теорий, во многом являясь продуктом общественно-политической атмосферы второй половины XIX в., когда в фазу зрелости и интеллектуальной активности вступило поколение пореформенного времени. В этот период значительно изменились ценностные ориентации образованной части российского социума, центральное место в которых занимали представления о власти и народе. Если в начале XIX в. именно власть позиционировала себя в качестве главного «европейца», выступавшего паттерном по отношению ко всем общественным группам, то во второй половине столетия эти функции присвоила себе интеллигенция, видевшая свою основную задачу в осуществлении самовластного культуртрегерства. В 1880-х гг. на смену неудавшемуся опыту «хождения» в народ пришла «теория малых дел», ставшая деполитизированным вариантом культуртрегерской деятельности, направленной на поддержку народных низов в новых экономических условиях пореформенной России. В 1890-х гг. мессианское подвижничество интеллигенции как эманация чувства вины и «неоплатного долга» перед народом являлось неотъемлемым социокультурным фоном при решении текущих общегосударственных задач, к числу которых принадлежало и «переселенческое дело». В сфере решения злободневных вопросов, связанных с организацией крестьянских миграций, формировалось локальное сообщество «мастеровых» «переселенческого дела», демонстрирующих признаки социокультурной идентичности, выстраивающих устойчивые парадигмы коммуникации как внутри сообщества, так и с другими группами – акторами и субъектами колонизационного процесса.

Следует оговорить, что в идейно-политическом отношении сообщество не являлось однородным, что придавало мощный дискуссионный импульс обсуждению широкого круга вопросов переселенческого движения. Значительные расхождения между представителями либерального и консервативного сегментов переселенческого дискурса обнаруживались в вопросах этнического состава миграционного контингента, принципов государственной политики в отношении индигенных народов, практик административного управления в колонизируемых регионах. Несомненным является одно: наряду с мероприятиями власти, направленными на организацию «переселенческого дела», в поле зрения исследователей регулярно оказывался крестьянин как субъект переселенческого движения и объект государственной колонизации. Характерно, что в общественно-политическом и научном дискурсе второй половины XIX в. представления о крестьянине как потенциальном переселенце независимо от политической платформы авторов репрезентировались в соответствии с культуртрегерскими конвенциями эпохи. По определению М. Тлостановой, в рамках колониальности сформировалась пространственно-временная модель, основанная на изобретении модерности

и традиции как ее темного иного, на противопоставлении «древних» и «новых» [8, с. 7]. В данной связи фигура крестьянина позиционировалась в обсуждении переселенческого вопроса не только в рамках категорий «отсталость» – «прогресс» [4, с. 14–15], но и в контексте бинарных оппозиций «мы – они», «свой – чужие», т. е. «иные», в отношении которых власть и общество должны осуществлять патерналистские действия. Симптоматично, что категория «иной», презентуемая в общественно-политическом и научном дискурсе в качестве объекта колонизационных усилий, пополнялась новыми фигурантами в процессе переориентации миграционного вектора в направлении степных территорий Центральной и Средней Азии, где в локусе имперского доминирования и культуртрегерства наряду с крестьянством оказывались инородцы, казачество и старожильческие группы населения.

Представление интеллигенции о крестьянине как объекте опеки и культуртрегерских действий проявлялось не только в переселенческой политике, но и в повседневных практиках российской бюрократии, ответственной за организацию «переселенческого дела», что не могло не оказывать влияния на исследования крестьянских переселений в целом. Чиновник Переселенческого управления В. Ф. Романов, отмечая отсутствие в России профильного министерства колоний, функционирующего по европейским стандартам, особо подчеркивал важность личностного фактора в деле организации переселений, значимость собственной инициативы и личной ответственности сотрудников ведомства [6, с. 147]. Так, например, характеризуя личность начальника управления Г. В. Глинки, В. Ф. Романов определял его как «талантливый, проникнутой горячей любовью к русскому землепашцу и верой в его творческие силы, исполнителя... который не мог быть, по свойствам его увлекающегося характера объективен там, где дело касалось “мужичков”, этой “соли земли русской”» [6, с. 148]. Культуртрегерские практики, таким образом, выражались не только и не столько в грубом административном вмешательстве в переселенческий процесс. Исходной интенцией акторов власти в принятии тех или иных решений было развитое чувство ответственности за судьбы переселенцев, определившее постоянное стремление к установлению коммуникативных связей с главным субъектом «переселенческого дела» – крестьянством, а также формирование максимально демократической и деловой обстановки в самом ведомстве. Как это ни пафосно звучит, каждодневные молебны, проводимые в Переселенческом управлении, с исполнением фрагментов псалмов «переселившимся и переселиться хотящим», сочиненных лично Г. В. Глинкой, производили сильное впечатление на ходяков и переселенцев, понимавших, что за их благополучие молятся в Санкт-Петербурге [Там же, с. 152]. Обычным делом для ведомства являлись прямые контакты руководителя с крестьянством: «...увидя в приемной мужика, Глинка пускался с ним в бесконечные разговоры, с радостной пытливостью расспрашивая у него о всех мелочах деревенской жизни...» [Там же]. Демократизм и атмосфера спокойной целенаправленной деятельности, по мнению В. Ф. Романова, реализовывалась через формат внутrigрупповой коммуникации, который выступал фоном

формирующейся и поддерживаемой идентичности сообщества: «Разговоры в повышенном тоне с начальством сделались для меня обычным явлением. К чести Глинки должен сказать, что им всегда допускался обоюдный громкий разговор – это был горячий, порою грубый, но всегда товарищеский спор, а не разнос начальником подчиненного... Бывало на службе произойдет злобная перепалка, выслушаешь и наговоришь много колкостей, а вечером дома слушаешь пение Глинки и все забывается» [Там же, с. 149]. При этом, по утверждению В. Ф. Романова, «отличительной чертой большинства сотрудников была горячая любовь к родине и порученному им делу и абсолютная деловая честность» [Там же, с. 154]. Чиновник уверенно констатировал, что масса работников, особенно землемеров и агрономов, работала идейно, часто была неблагонадежна политически, справедливо и несправедливо будировала против центра, страдала утопической мечтательностью, как большинство средней провинциальной интеллигенции, но на службу не смотрела как на средство наживы [Там же, с. 155].

Идеология «сотрудничества», восприятие чиновным сообществом проблем переселений как «общего дела», которому нужно служить беззаветно, открывали перспективы для общественного примирения акторов, так или иначе включенных в решение переселенческих вопросов, независимо от словесной принадлежности и политических пристрастий. Так, например, лидеры сибирского областничества (Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, С. С. Шашков и др.), будучи убежденными сторонниками идеи региональной идентичности, пережив обвинения по делу сибирских сепаратистов, впоследствии активно включились в работу по исследованию региона, взяв на себя функцию имперских экспертов, в том числе и в области организации «переселенческого дела», сотрудничая не только с общественными организациями (ЗСОИРГО), но непосредственно с властью (Переселенческое управление МВД).

Среда участников «переселенческого дела», в которое включались интеллектуальные силы центра и регионов, формировалась из представителей разных политических направлений, при этом государство, как организатор и куратор переселений, стремилось в интересах общего дела вслушиваться и синтезировать все точки зрения, в том числе и исходящие от радикальных сил, так как участие в экспертизе территорий представителей левых партий (народников, социал-демократов, социалистов-революционеров) предоставляло властным структурам возможность более детального ознакомления с нюансами переселенческого процесса. В круг имперских экспертов, таким образом, входили лица, принадлежавшие совершенно различным политическим платформам (Н. Н. Балакшин, А. А. Половцов, П. П. Архипов, В. Ф. Ивонин, К. Р. Качоровский, С. Л. Чудновский и др.), что способствовало мощному полемическому заряду в обсуждении переселенческих проблем, снижению градуса конфликтности во взаимоотношениях радикальной и умеренной интеллигенции.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что модель репрезентации представлений образованного сегмента российского общества о переселен-

ческом деле, форма и содержание публикаций в прессе, опубликованных отчетов, отдельных изданиях Переселенческого управления МВД, ИРГО и других правительственных учреждений и общественных организаций соответствовали позитивистской традиции и адекватным ей исследовательским практикам, проявлением которых являлись сциентизм, фактографичность, буквальное следование за источником, поиск закономерностей, конструирование схем. Во многом поэтому обсуждение ряда ключевых вопросов переселенческого движения, в частности причин, побуждавших крестьянство европейских губерний России к выселению на восточные окраины, выстраивалось в соответствии с логикой позитивизма и прогрессизма. С чем бы ни связывали современники переселенческого движения рост миграционной активности сельских жителей – с обстоятельствами аграрно-экологического кризиса в центральных губерниях империи или со свойственным крестьянству «инстинктом бродяжничества», «охотой к перемене мест», все это сводилось к одному знаменателю – «переселения – бегство крестьянина от культуры» [2], что требовало неотложного объединения усилий власти и общества, активизации культуртрегерской работы в крестьянской среде.

Тем самым, есть основания утверждать, что «переселенческое дело» во второй половине XIX – начале XX в. выполнило важную функцию коммуникативной платформы и совместных действий властных и общественных сил в реализации имперских проектов колонизации Сибири. Идеология государственного патернализма, ставшая основным исходным аргументом в мероприятиях по инкорпорации восточных окраин в общеимперское пространство, оказалась созвучна настроениям образованной части российского общества, ядром которых являлось чувство вины и неоплатного долга по отношению к народу, гипертрофированной ответственности за его благополучие, достижение которого связывалось исключительно с активным культуртрегерством. Результатом коммуникации стало формирование сложно структурированного локального сообщества имперских экспертов, в число которых входили представители центральной и региональной бюрократии, публицисты, писатели, деятели науки, с различной степенью интенсивности вовлеченные в практическую работу по организации «переселенческого дела». Основным «продуктом» корпоративной работы сообщества выступило детализированное исследование обстоятельств и факторов переселенческого движения: географических, этнографических, социальных условий мест выхода и водворения мигрантов, их финансовых возможностей, нормативно-правового обеспечения переселений, административного регулирования миграций, настроений и ожиданий в переселенческой среде, что определило дальнейшее «встраивание» отдельных сюжетов в общую канву историографического осмысления процесса колонизации региона, способствовало формированию историографической традиции вопроса.

Список литературы

1. *Алеврас Н. Н.* Что такое «историографический быт»? Из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // Историческая наука сегодня; Теории, методы, перспективы / под ред. Л. П. Репиной. Изд. 2-е М. : Изд-во ЛКИ, 2012. С. 516–535.
2. *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация: [С прил.]. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 334 с.
3. *Корзун В. П.* Научная школа в интерьере «историографического быта» (В. О. Ключевский, П. Н. Милуков, С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Омск : Изд-во ОмГУ, 1998. Т. 1. С. 2–5.
4. *Коцюнис Я.* Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М. : Нов. лит. обозрение, 2006. 320 с.
5. *Мохначёва М. П.* Журналистика и историческая наука: В 2 кн. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. М. : РГГУ, 1998. 383 с.
6. *Романов В. Ф.* Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. СПб. : Нестор-История, 2012. 336 с.
7. *Свешиников А. В.* Кризис науки на поведенческом уровне // Мир историка: идеалы, традиция, творчество. Омск : Ред. журн. «Курьер образования», 1999. С. 75–95.
8. *Глостанова М. В.* Деколонизация гуманитарного знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2009. № 1. С. 5–14.
9. *Троицкий Ю. Л.* Историографический быт эпохи как проблема // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.) : материалы Второй всерос. науч. конф. Омск : Изд-во ОмГУ, 1995. Т. 2. Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. С. 164–165.

“Resettlement Affairs” in the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century as a Sphere of Intellectual Reflection and Communication of the Russian Government and Society of the Pre-Soviet Period

M. K. Churkin

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Tobolsk Complex Research Station UB RAS, Tobolsk, Russian Federation

Abstract. The article reconstructs the communicative space of the activity of the authorities and society in the field of organizing “resettlement affairs” in the second half of the XIX – early XX centuries. Based on the published sources, the possibility of operating with the concept of “historiographic life” to recreate the sociocultural environment and atmosphere, which presents the ideas of the Russian intelligentsia about the tasks and significance of the resettlement movement in the post-reform period, It was established that in the ethics of cooperation and professional interaction of intelligentsia in the field of resettlement, political beliefs were of secondary importance, which contributed to the local identity of the group, as well as the formation of the historiographic tradition of the issue of resettlement.

Keywords: “Resettlement affairs”, russian intelligentsia, power, society, “historiographic life”.

For citation: Churkin M.K. “Resettlement affairs” in the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century as a Sphere of Intellectual Reflection and Communication of the Russian Government and Society of the Pre-Soviet Period. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 35, pp. 6-13. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.35.6> (in Russian)

References

1. Alevras N.N. Chto takoe “istoriograficheskiy byt”? Iz opyta razrabotki i vnedreniya istoriograficheskoi definitsii [What is a “historiographic life”? From the experience of the development and implementation of historiographic definition]. *Istoricheskaya naukasegodnya: Teorii, metody, perspektivy*. Ed. L.P. Repinoy. 2nd ed. Moscow, LKI Publ., 2012, pp. 516-535. (in Russian)
2. Kaufman A.A. *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. Saint Petersburg, Obshchestvennaya polza Publ., 1905, 334 p. (in Russian)
3. Korzun V.P. Nauchnaya shkola v inter'ere “istoriograficheskogo by-ta” (V.O. Klyuchevskii, P.N. Milyukov, S.F. Platonov, A.S. Lappo-Danilevskii) [Scientific school in the interior of “historiographic life” (V.O. Klyuchevskii, P.N. Milyukov, S.F. Platonov, A.S. Lappo-Danilevskii)]. *Kultura i intelligentsiya Rossii: sotsialnaya dinamika, obrazy, mir nauchnykh soobshchestv (13-18 vekov)*. Omsk, OmGU Publ., 1998, vol. 1, pp. 2-5. (in Russian)
4. Kotsonis Ya. *Kak krest'yan delali otstalymi: Selskokhozyaistvennye kooperativy i agrarnyi vopros v Rossii 1861-1914*. [How peasants were made backward: Agricultural cooperatives and the agrarian question in Russia 1861-1914.] Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006, 320 p. (in Russian)
5. Mokhnacheva M.P. *Zhurnalistska i istoricheskaya nauka. V 2 kn. Kn. 1: Zhurnalistska v kontekste naukotvorchestva v Rossii XVIII-XIX vv.* [Journalism and historical science. In 2 book. Prince 1: Journalism in the context of science in Russia in the 18th – 19th centuries]. Moscow, RGGU Publ., 1998, 383 p. (in Russian)
6. Romanov V.F. *Starorezhimnyi chinovnik. Iz lichnykh vospominanii ot shkoly do emigratsii, 1874-1920 gg.* [Old regime official. From personal memories from school to emigration, 1874-1920]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, 336 p. (in Russian)
7. Sveshnikov A.V. Krizis nauki na povedencheskom urovne [The crisis of science at the behavioral level]. *Mir istorika: idealy, traditsiya, tvorchestvo* [Behavioral Science Crisis]. Omsk, Kurier obrazovaniya Publ., 1999, pp. 75-95. (in Russian)
8. Tlostanova M.V. Dekolonizatsiya gumanitarnogo znaniya [Decolonization of humanitarian knowledge]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*, 2009, no. 1, pp. 5-14. (in Russian)
9. Troitskii Yu.L. Istoriograficheskiy byt epokhi kak problema [Historiographical life of the era as a problem]. *Kultura i intelligentsiya Rossii v epokhu modernizatsii (XVIII–XX vv.)* [Culture and intelligentsia of Russia in the era of modernization (18th – 20th centuries. Vol. 2. Russian Culture: Modernization Experiences and the Fate of Scientific Communities)]. Proc. of the 2nd All-Russian Conf. Omsk, OmGU Publ., 1995, pp. 164-165. (in Russian)

Чуркин Михаил Константинович

доктор исторических наук, профессор,
кафедра отечественной истории
Омский государственный педагогический
университет
Россия, 644099, г. Омск,
наб. Тухачевского, 14
ведущий научный сотрудник
Тобольская комплексная научная станция
УрО РАН
Россия, 626152, Тобольск, ул. Академика
Осипова, 15
e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Churkin Mikhail Konstantinovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of National History
Omsk State Pedagogical University
14, Tukhachevsky emb., Omsk, 644099,
Russian Federation
Leading Researcher
Tobolsk Complex Research Station UB RAS
15, Acad. Osipov st., Tobolsk, 626152,
Russian Federation
e-mail: proffchurkin@yandex.ru